

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ КАК СРЕДСТВО ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Языковые номинации, характеризующие человека, являются одним из типов метафорического переноса. Они иллюстрируют собой антропоцентрическую направленность метафоризации – наименование человека именами других объектов с целью его эмоционально-оценочной характеристики.

В сфере образного наименования лица широкое распространение имеют следующие традиционные регулярные метафорические модели: «животное → человек» (*глухарь, гнида, коза, корова, лиса (лисица), медведь, свинья, теленок, обезьяна, одер, осел, рыба, черепаха, червяк* и др.), «растение → человек» (*дуб, полух, мимоза, пень, перец, пустоцвет, сморчок* и др.), «мифическое существо → человек» (*ведьма, гурия, кикимора, кощей, леший сфинкс, титан, фурия, херувим, цербер* и др.), «человек → человек» (*гренадер, иезуит, лакей, лицедей, мещанин, набоб, пария, паяц, пигмей, фискал* и др.), а также модель «предмет → человек», являющаяся одной из наиболее продуктивных моделей в русском языке, по которой создавались и продолжают создаваться номинации, относящиеся к характеристике человека.

Метафорическое переосмысление предметов, окружающих человека в его повседневной жизни, затронуло разнообразные пласты лексики русского языка, связанной с одеждой человека, его едой, орудиями и предметами труда, игрушками и играми, предметами религиозного культа и т. п. Фактический материал позволяет представить все это лексическое многообразие в виде следующих предметно-тематических групп существительных, имеющих переносные образные значения лица: 1) названия предметов одежды и обуви (*колпак, лапоть, сапог, шляпа* и др.); 2) названия предметов обихода и объектов быта (*бочка, кубышка, мешок, оглобля, пила, пробка, тряпка, тюфяк, шпингалет* и др.); 3) названия деревянных заготовок или деревянных предметов (*балда, бревно, деревяшка, дубина, колода, орясина, пень, чурбан* и др.); 4) названия игрушек (*вертушка, кукла, марионетка, трещотка, юла, цаца* и др.); 5) названия игральные карт (*козырь, король, туз, пешка* и др.); 6) названия камней, металлов и др. ископаемых (*золото, кремнь, магнит, перл, самородок* и др.); 7) названия различных веществ (*зола, кипяток, порох, смола* и др.); 8) названия продуктов питания, кушаний (*брандахлыст, квашня, кисель, мед, пышка, размазня, сухарь, тюря* и др.); 9) названия предметов, сделанных по образу и подобию человека (*болван, идол, истукан, колосс, кумир, мумия, пугало, статуя, чучело* и др.).

По наблюдению А.С. Бархударова, в механизме формирования таких переносных значений есть своя закономерность: «исходным пунктом переноса нередко служат эмоционально окрашенные сравнительные обороты» [1, с. 121]. Образные сравнения представляют собой компаративную конструкцию, состоящую из двух частей: в первой части указывается то, что сравнивается, во второй – то, с чем сравнивается. Эти слова и служат средством характеристики определяемого.

Анализ внутренней и внешней структуры лексики, подвергшейся метафоризации, позволяет отметить следующие основания для сравнения. Так, сравнение может проводиться по внешнему виду предмета, его свойству, ценности, значимости и другим признакам. Например, в тематической группе «предметы обихода и объекты быта» основанием для сравнения может служить: внешний вид какого-либо предмета (*пузало* 'о человеке с отпугивающей внешностью, а также о человеке, крикливо, безвкусно одетом'); его свойство (*тряпка* 'о бесхарактерном, слабовольном человеке') или характер действия (*пила* 'о человеке, который пилит кого-н.'). В свою очередь в группе «продукты питания, кушанья» основаниями для оценочного сравнения являются: консистенция какого-либо кушанья (*кисель* 'о вялом, слабовольном человеке'); вкусовые качества продукта (*перец* 'колкий, язвительный человек'), внешний вид предмета (*пышка* 'о толстом, пухлом ребенке или женщине'). Таким образом, в предметно-тематических группах обычно выделяется не одно, а два, три основания для сравнения.

Переносные значения данного разряда слов-характеристик являются синтаксически обусловленными, реализующимися в определенных синтаксических позициях. При этом основной, первичной является предикативная позиция: – *Ты нежная душа, размазня, где тебе ненавидеть!*. (И. Тургенев), – *Абрам Семенович, вы слишком серьезны, вы сухарь* (А.Н. Толстой). Наряду с позицией предиката при определенных условиях возможны позиция обращения: *А возле стоит жена и говорит ему: – Уймись, безбожная твоя душа! Уймись, истукан, ирод, наказание мое!* (А. Чехов), позиция дополнения: *Думалось Санину, каким образом удалось этому чурбану подцепить красивую и богатую жену* (И. Тургенев), а также позиция приложения: *Вот я тебя, брандахлыст, мышам в подпечек суну, ты и очнешься* (М. Горький).

В русском языке подобные метафорические номинации являются одним из средств экспрессивной характеристики лица, эмоциональной оценки его индивидуальных качеств, называют и характеризуют социальное положение человека в обществе, его интеллектуальные способности, внешность и т. д. В зависимости от того, какие качества человека характеризуются, среди слов данной лексико-семантической группы можно выделить четыре основных семантических разряда, обозначающих: 1) отдельные черты характера человека, 2) внешние физические качества, 3) интеллектуальные способности, 4) социальное положение.

Наблюдение над переносной семантикой исследуемой лексики показывает, что одно и то же значение может выражаться словами, относящимися к разным предметно-тематическим группам. Вместе с тем анализ состава сложившихся в языке синонимических рядов позволяет отметить «преимущественное сохранение остаточной тематической общности слов на уровне переносных значений» [2, с. 76]. Так, члены тематической группы «названия деревянных заготовок или деревянных предметов» (*деревяшка, дубина, колода, орясина, пень, чурка, чурбан* и др.) развили переносные значения с общей семой «бестолковый, глупый, бесчувственный». Этот синонимический ряд существительных пополняют слова, являющиеся названиями скульптурных изображений: *болван, истукан, идол, статуя*. Наименования мелких, незначительных вещей (*мелочь, мелкота, мелюзга, фитюлька, финтифлюшка*) используются для характеристики маленького,

никчемного, невзрачного, пустого человека. Названия игральных карт или шахматных фигур характеризуют человека с точки зрения его веса в обществе, а также самостоятельности его действий. Большая часть наименований напитков и продуктов питания (*квашня, размазня, кисель, тюря* и др.) имеет синонимическое характеризующе-оценочное значение «вялый, нерасторопный человек». Обозначения различных веществ послужили основой для появления пейоративных характеристик человека. Таковы существительные *смола* в значении «навязчивый, прилипчивый человек», *зола* — «никчемный, не представляющий интереса человек», *порох* — «вспыльчивый человек» и др. Наоборот, существительные группы «названия камней, металлов и др. ископаемых» (*кремень, магнит, перл, самородок, золото*), а также слова предметно-тематической группы «небесные тела» (*звезда, светило, солнце*) употребляются для положительной характеристики человека.

Метафорически переосмысленные наименования предметов составляют один из основных разрядов экспрессивной лексики и характеризуются принадлежностью к разговорному стилю и семей эмоциональной оценки. При этом практически все предметно-тематические группы слов-характеристик демонстрируют преобладание отрицательной, пейоративной оценки над положительной, мелиоративной. В свою очередь метафорические номинации пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие и языковую устойчивость. Например, отрицательно оцениваются такие внутренние и внешние качества человека, как глупость (*бревно, дуб, дубина, пень, пробка, чурбан*), невежественность, необразованность (*лапоть, сапог*), бесчувственность, равнодушие (*деревяшка, идол, истукан, сахарь*), сварливость, придирчивость, вспыльчивость (*заноза, кипятюк, пила, порох*), вялость, нерасторопность, бесхарактерность, безвольность (*квашня, кисель, мешок, размазня, тряпка, тюря, тюфяк, шляпа*), незначительность, никчемность, ничтожность (*мелочь, мелкота, мелюзга, пешка, фитюлька, финтифлюшка, шваль*), непривлекательность (*пугало, чучело*) и др. Подвергаются порицанию и некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но проявляющиеся избыточно, а именно: чрезмерная худоба или полнота (*кощей, мощи, мумия, скелет, спичка, тумба*); чрезмерно высокий или низкий рост (*дубина, каланча, орясина, шпингалет*).

В этой связи обращает на себя внимание асимметричность ряда отмеченных метафорических характеристик. Например, в русском языке отсутствуют метафорические номинации для обозначения многих положительных свойств, таких как «умный», «добрый», «щедрый», «честный», «чистоплотный», «внимательный», антонимические воплощения которых так щедро представлены и так прочно закреплены в лексической системе русского языка.

Интерес представляют случаи проявления у одного слова разных переносных смыслов, способных обнаруживать как общность, так и различие характера эмоциональной оценки. Иллюстрацией к сказанному могут послужить переносные значения у слов *дубина* (*прост.* «о высоком, долговязом человеке» и *прост. бран.* «о бестолковом, тупом человеке») и *идол* (*перен.* «тот, кто (или то, что) является предметом обожания, восторженного преклонения» и *бран.* «о ком-л бестолковом или бесчувственном»).

В целом следует отметить, что изучение данного разряда лексических единиц способствует выработке научного представления о многоаспектной природе слова, а сами метафорические номинации лица выступают как оригинальный материал для осмысления материальной культуры человека, его мировоззрения, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Литература

1. Бархударов, А.С. Язык и перевод / А.С. Бархударов. – М. : Наука, 1975. – 223 с.
2. Харченко, В.К. Переносные значения слова / В.К. Харченко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 198 с.